

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.37>**АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ КАЛАМБУР В АВТОБИОГРАФИИ В.В. НАБОКОВА «SPEAK, MEMORY!»**

Научная статья

Швагрукова Е.В.^{1*}, Надина Л.В.², Поздеева Г.П.³¹ ORCID: 0000-0003-3141-7725;² ORCID: 0000-0001-6660-3611;³ ORCID: 0000-0003-1891-3388;^{1, 2, 3} Томский политехнический университет, Томск, Россия

* Корреспондирующий автор (shvagrucova[at]tpu.ru)

Аннотация

В статье рассматривается функционирование стилистического приема «каламбур» в англоязычной автобиографии В.В. Набокова «Speak, Memory!». Приводится типология каламбуров (фонетические, лексические, фразеологические, грамматические), выявляются все случаи бытования данного приема в тексте (40 случаев), используются методы лингвистического, стилистического и семантического анализа каламбуров. Освещаются вопросы специфики бытования каламбура в произведении документального жанра. В результате исследования обнаружены основные функции каламбура, актуальные для В.В. Набокова: создание комического эффекта, сарказм, нарушение ожиданий читателя и др. Результаты работы могут быть применены при чтении курсов по лексикологии и стилистике английского языка, а также в курсе зарубежной литературы.

Ключевые слова: языковые уровни, стилистический прием, англоязычный каламбур, омонимия, полисемия, Набоков, автобиография.

ENGLISH-LANGUAGE PUNS IN V. V. NABOKOV'S "SPEAK, MEMORY"

Research article

Shvagrucova E.V.^{1*}, Nadeina L.V.², Pozdeeva G.P.³¹ ORCID: 0000-0003-3141-7725;² ORCID: 0000-0001-6660-3611;³ ORCID: 0000-0003-1891-3388;^{1, 2, 3} Tomsk Polytechnic university, Tomsk, Russia

* Corresponding author (shvagrucova[at]tpu.ru)

Abstract

The article examines the functioning of puns as a stylistic device in V. V. Nabokov English-language autobiographical memoir, "Speak, Memory!". The study provides the typology of puns (phonetic, lexical, phraseological, grammatical), identifies all the cases of using this technique in the text (40 cases in total) as well as applies the methods of linguistic, stylistic, and semantic analysis of puns under study. The author of the article covers the questions of the specifics of the presence of a pun in a work of the documentary genre. The result of the research demonstrates the main functions of the pun that are relevant in V. V. Nabokov's works: creating a comic effect, sarcasm, subversion the reader's expectations, etc. The results of the work can be used in reading courses on lexicology and stylistics of the English language as well as in the courses on foreign literature.

Keywords: language levels, stylistic device, English-language pun, homonymy, polysemy, Nabokov, autobiography.

Введение

Каламбур как стилистический прием давно привлекает внимание российских и иностранных лингвистов в силу своего богатого творческого потенциала и сложных семантических связей внутри собственной конструкции. Среди основополагающих работ необходимо упомянуть труды филологов середины XX века, например, А.А. Щербины [10], В. Виноградова [2], намечающих пути изучения каламбура, и работы V. Ruskin [16], W. Redfern [15], Б.Ю. Нормана [8], В.З. Санникова [9], О.Е. Вороничева [4], А.Д. Васильева [1] – филологов конца XX-начала XXI веков, проводящих узкоспециальные исследования и выстраивающих различные типологии и классификации каламбуров.

В свою очередь, творчество В.В. Набокова, писателя, известного своей любовью к разнообразным и изощренным языковым играм, предоставляет богатый русско- и англоязычный материал для исследования каламбура и его функционирования в тексте произведения. Каламбур в художественных текстах Набокова неоднократно становился предметом анализа (см., например, работы Г. Барабтарло, Б.В. Аверина, А. Люксембурга, Г.Ф. Рахимкуловой, В. Boyd, D.B. Johnson, J.W. Connolly, N. Falk и др.). Множество работ подобного плана посвящено англоязычным романам «Lolita», «Pnin», «Ada, or Ardor», а также переводу произведения Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес», сделанному начинающим писателем Сирином. Также набоковеды обращались к русскоязычным романам «Отчаяние», «Дар» и др., однако англоязычная книга автобиографической прозы «Speak, Memory!» никогда не попадала в фокус исследовательского внимания.

Таким образом, цель данной работы заключается в выявлении, классификации и анализе функциональных особенностей англоязычного каламбура в автобиографической книге В.В. Набокова «Speak, Memory!».

Актуальность исследования обусловлена малой изученностью автобиографической прозы писателя – в целом, и особенностями использования каламбура в произведении документального жанра, в частности.

Отличительной чертой каламбура, в отличие от других видов языковой игры, является острое комическое начало, заставляющее переосмыслить ситуацию, взглянуть на нее под неожиданным углом: «Принадлежность или

непринадлежность к каламбуру определяется в значительной степени общей (юмористической, сатирической, трагической и т.д.) окрашенностью текста» [9, С. 57]. С. Влахов и С.Флорин дают следующее определение: «Каламбур – это ... игра на несоответствии между привычным звучанием и непривычным значением» [3, С. 288], выделяя в качестве одной из важнейших характеристик каламбура «непредсказуемость» [3, С. 289].

Существует несколько классификаций каламбуров, предложенных разными учеными, например: 1) классификация В.З. Санникова, где ученый именуется классы каламбуров «соседями», «масками» и «семьями» [9, С. 59-61], 2) классификация С. Влахова и С.Флорина, разделяющих каламбуры на «лексические», «фразеологические» и «фонетические» [3, С. 292-293] с дальнейшим более дробным делением лексических каламбуров, 3) классификация М. Giorgadze, где выделяются «lexical-semantic puns», «structural-syntactic puns» и «structural-semantic puns» [13, С. 273] («лексико-семантические», «структурно-синтаксические» и «структурно-семантические каламбуры» — здесь и далее перевод мой. Е.Ш.). В данном исследовании мы будем опираться на классификацию С. Влахова и С.Флорина с некоторыми собственными уточнениями.

Как было указано выше, С. Влахов и С. Флорин в своей монографии «Непереводимое в переводе», классифицируя каламбур на основе языковых уровней, выделяют «фонетические» каламбуры – «...для него характерно преобладание звуковой стороны над смысловой...» [3, С. 292], «лексические» — «...разные типы игры слов, основанные на 1) на обыгрывании целых слов или частей: а) корней, аффиксов или б) “обломков” слов 2) на многозначности или омонимии 3) на ряде других лексических категорий – антонимии, этимологии и т.д.» [3, С. 293] и «фразеологические» каламбуры как «обыгрывание отдельных компонентов устойчивых сочетаний» [3, С. 293]. Если определения фонетических и фразеологических каламбуров не вызывают у нас возражений, то лексические каламбуры являются, на наш взгляд, гораздо более обширной категорией и включают в себя много разновидностей.

В данном исследовании нами были выделены следующие группы лексических каламбуров:

1. полисемические каламбуры
2. омонимические каламбуры
3. каламбуры, построенные на частях слов
4. топонимические каламбуры
5. литературные каламбуры
6. каламбуры, построенные на именах собственных.

Кроме этого, мы выделяем отдельный вид каламбура – «грамматический». Грамматический каламбур – это вид языковой игры, реализация которого возможна лишь при определенной, намеренно созданной грамматической структуре предложения. Подобный вид каламбура М. Giorgadze, опираясь на исследования Н. Gotlieb [14] и D. Delabastita [12], называет «structural-syntactic pun» [13, С. 274]: «Structural – syntactic ambiguity arises when a complex phrase or a sentence can be parsed in more than one way» («Структурно-семантическая двойственность возникает, когда сложную фразу или предложение можно по-разному подвергнуть грамматическому разбору»).

В процессе анализа текста автобиографии В.В. Набокова «Speak, Memory!» нам удалось выявить 40 каламбуров, принадлежащих к различным языковым уровням.

Первый уровень, уровень фонетических каламбуров, представлен 5-ю каламбурами, 4 из которых созданы писателем на основе созвучия слов, относящихся к разным языкам. Например, Набоков сближает такие слова, как «summer» (англ.)-«summer» (рус.) [6, С. 81] («лето-сумерки»), «pavilion» (англ.) — «papilio» (лат.) [6, С. 216] («беседка-бабочка»), «pals» (англ.)-«poules»(фр.) [6, С. 169] («дружки—цыпочки»), «skver» (рус.)-«square»(англ.) [6, С. 309] («сквер-площадь»). Русскоязычные слова писатель транслитерирует латиницей, слова из других языков приводятся в оригинальном правописании. Пятый каламбур основан на созвучии английских слов «enormous» и «morose» («огромный-мрачный»). При помощи этого каламбура писатель рисует свою гувернантку: «My enormous and morose Mademoiselle is all right on earth, but impossible in eternity» [6, С. 117] («Моя огромная и мрачная Mademoiselle приемлема на земле, но невозможна в вечности»), визуализируя ее образ. Как отмечают исследователи, для фонетического каламбура «характерно преобладание звуковой стороны над смысловой» [3, С. 292], однако в этой связи интересна фонетическая пара «pavilion-papilio». Она включает в себя две важнейших для Набокова темы, проходящих лейтмотивом через всю его жизнь, где бабочка – это символ энтомологии, которой писатель посвятил много лет, а беседка – символ творчества. В «Speak, Memory!» он говорит: «Etymologically, “pavilion” and “papilio” are closely related» [6, С. 216] («Этимологически “pavilion” и “papilio” тесно связаны»). Будучи филологом и трилингвом, автор без труда устанавливает этимологическую связь между, казалось бы, абсолютно разными семантическими единицами, и фонетический каламбур переходит на лексический уровень, превращаясь в полисемический каламбур, так как заимствованное в английский язык из старо-французского и поздней латыни слово «pavilion» имело два значения на основе метонимического переноса – «бабочка» и «павильон» [11].

Можно утверждать, что фонетические каламбуры используются Набоковым достаточно часто и создают атмосферу лингвистической свободы и взаимопроницаемости различных языков, не ограничиваясь лишь звуковой схожестью слов, но насыщая повествование дополнительными смыслами.

Лексический уровень текста «Speak, Memory!» включает в себя 30 каламбуров, поделенных нами на указанные выше группы. Нами выделено 10 каламбуров, построенных на разных частях слов, 8 каламбуров, опирающихся на имена собственные, 4 литературных каламбура, 3 топонимических каламбура, 3 омонимических каламбура и 2 полисемических каламбура. Следует отметить, что границы данных групп не являются жесткими, и некоторые каламбуры можно интерпретировать по-разному, в зависимости от их смысловой доминанты.

Наиболее частотным для книги автобиографической прозы Набокова «Speak, memory!» является группа лексических каламбуров, основанных на словообразовании. Также здесь можно встретить примеры окказионализмов (2 случая) – специально созданных авторских слов, придающих дополнительный комический эффект, либо окрашивающих повествование стилистически.

Проанализируем некоторые примеры. Так, Набоков вспоминает свои крестины в юмористических тонах: «howling, half-drowned half-Victor» [6, С. 21] (*«исторно вопящий полу-утопленный полу-Виктор»*) – священник во время обряда чуть не перепутал имя новорожденного. Интересно обыгрывает писатель слово «childhood» («детство»): «...I keep repeating... the English word “childhood”, which sounds mysterious and new, and becomes stranger and stranger as it gets mixed up in my small, overstocked, hectic mind with Robin Hood and Little Red Riding Hood, and the brown hoods of old hunch-backed fairies» [6, С. 26] (*«Я повторяю английское слово “чайлдхуд”, которое звучит таинственно и ново, и становится все страннее и страннее, смешиваясь в моем маленьком, переполненном и лихорадочном мозгу с Робин Гудом, Красной Шапочкой и бурными колпаками старых горбатых волшебниц»*). Взяв за основу словообразовательный суффикс “-hood”, писатель постепенно наделяет его смыслом, перебрасывая мостик к литературным героям, составляющим окружение ребенка в «мире райского детства» [5, С. 20] – единственном возможном, с точки зрения писателя, Рае на земле.

Повествуя о своем преподавателе живописи известном художнике и искусствоведе С.П. Яремиче, Набоков характеризует его как «a humourless and a formless person» [6, С. 92] (*«бесформенный человек без чувства юмора»*), неожиданно сочетая при помощи отрицательного словообразовательного суффикса “-less” описание психологической сущности и физической внешности человека.

Отдельно следует рассмотреть окказионализмы или авторские находки писателя. «All my life I have been a roog go-to-sleeper» [6, С. 108] (*«Всю свою жизнь я был плохим засыпальщиком»*), — говорит Набоков, демонстрируя свои деривационные возможности. Слова «go-to-sleeper» в английском языке не существует, однако автор изобретает его, чтобы, с одной стороны, имитировать эффект детской речи, поскольку в главе 5 речь идет именно о ребенке, а с другой стороны не упустить возможность языковой игры. В 9 главе писатель продолжает свою игру: «Indeed, the very essence of summer freedom – schoolles untownishness – remains connected in my mind with the motor’s extravagant roar...» [6, С. 183] (*«В самом деле, сама сущность летней свободы – бесшкольной безгородности – остается соединенной в моем сознании с экстравагантным ревом мотора...»*). Используя отрицательные аффиксы, Набоков придумывает словосочетание, состоящее из прилагательного и существительного, подчеркивающее летнее приволье школьника.

Такая сложная работа с лексемами свидетельствует как о стилистической усложненности набоковского текста, так и о мастерском владении писателя английским языком. Используя различные деривационные модели, автор насыщает повествование скрытыми смыслами и неожиданными эффектами.

Следующая крупная группа лексических каламбуров – это каламбуры, вырастающие из имен собственных (8 случаев). Здесь возможны два варианта: либо писатель выдумывает имя и фамилию, либо работает с реально существующими именами.

Так, вспоминая садовника из своего имения, Набоков указывает его фамилию «Apostolski» (*«Апостольский»*), и далее, рассказывая о нецеломудренном поведении старика, переименовывает его в «Priapostolski» [6, С. 232] (*«Приапостольский»*), отсылая читателя к древнегреческой мифологии и богу плодородия Приапу, известному как бог телесной любви. Комический эффект достигается снижением образа персонажа, путем переноса из сферы религиозной лексики и мифологическую.

Также Набоков, говоря о политических репрессиях, переименовывает оленей Санта Клауса, как, впрочем, и политического деятеля Льва Троцкого: «Political exiles escaped from Siberia with farcical ease, witness the flight of Trotsky – Santa Leo, Santa Claws Trotsky – merrily riding back in a Yuletide sleigh drawn by reindeer: On, Rocket, on, Stupid, on, Butcher and Blitzen!» [6, С. 264] (*«Политические ссыльные убежали из Сибири с фарсовой легкостью, свидетельство тому – побег Троцкого – Святого Льва, Святого Когтистого Троцкого – весело вернувшегося на Рождество в санях, запряженных северными оленями: Вперед, Ракета, вперед, Дурень, вперед, Нож Мясника!»*). В имени Троцкого писатель обыгрывает полисемию слова «лев» и имени «Лев», не случайно появляется слово «claws» («когти»), омонимически совпадающее с именем «Santa Claus». Оригинальные имена оленей Санты – «Comet» (*«Комета»*), «Cupid» (*«Купидон»*), «Dasher» (*«Стремительный»*) «Blitzen» (нем.) (*«Молния»*) превращаются в зловещие клички. Читатель сталкивается с жестким сарказмом, когда автор вместо доброго Санта Клауса с подарками рисует фанатика с упряжкой злобных помощников, несущих кровавый режим. Каламбур в данном случае построен на минус-приеме или эффекте нарушенного ожидания читателя.

Значимой группой, входящей в состав лексических каламбуров, являются литературные каламбуры – каламбуры, основанные на игре с названиями литературных произведений, именами персонажей или самих писателей и поэтов. Автобиографическая проза Набокова характеризуется большим количеством аллюзий и реминисценций из русской и зарубежной литературы, поэтому неудивительно, что в ней нашлось место и литературному каламбуру. Описывая свою родословную, Набоков упоминает Екатерину Пушкину: «Ekaterina Pushchin, sister of Ivan Pushchin, Pushkin’s schoolmate and close friend. Careful, printers: two “chin” ’s and one “kin”» [6, С. 53] (*«Екатерина Пушчина, сестра Ивана Пушчина, одноклассника Пушкина и его близкого друга. Внимание, наборщики: два “подбородка” и один “родственник”»*). Стремясь упростить понимание русских фамилий, писатель дробит их, обыгрывая их части на лексико-семантическом уровне, и связывая в сознании читателя свою семью с пушкинскими корнями.

О написании «Лолиты» Набоков говорит следующее: «I found it no longer physically possible to combine scientific research with lectures, belles-lettres and *Lolita* (for she was on her way – a painful birth, a difficult baby)» [6, С. 65] (*«Я более не находил физически возможным сочетать научные исследования с лекциями, беллетристикой и Лолитой (ибо она уже была в пути – сложные роды, трудный ребенок)»*). Комический эффект достигается путем олицетворения – переноса качеств живого человека на книгу, художественное произведение, объект материальной и духовной культуры. Употребляя речевые клише, писатель заставляет читателя на мгновение поверить в реальность Лолиты и удивиться такой трактовке.

Топонимическая группа лексических каламбуров сравнительно невелика, нами выявлено всего 3 случая, однако она интересна тем, что один каламбур повторяется дважды (с последующим расширением). В 6 главе писатель,

рассказывая о пойманных им бабочках и их размещении в различных американских музеях, говорит: «...they are safer there than they would be in Tomsk or Atomsk» [6, С. 125] («...они там в большей безопасности, нежели были бы в Томске или Атомске»). Каламбур, нацеленный на высмеивание агрессии СССР, создается на базе топонима «Томск»: Набоков придумывает город Атомск, удивительным образом угадывая существование города-спутника Томска, в котором действительно расположены объекты ядерной энергетики. В 13 главе этот каламбур получает свое продолжение: «When revolutionaries did get caught, banishment to Tomsk or Omsk (now Bombsk) was a restful vacation in comparison to the concentration camps that Lenin introduced» [6, С. 264] («Когда революционеров ловили, ссылка в Томск или Омск (теперь Бомбск) была каникулярным отдыхом по сравнению с концентрационными лагерями, которые учредил Ленин»). Продолжая обыгрывать названия сибирских городов, Набоков акцентирует внимание на жестокости политического режима СССР, а также высмеивает стремление к переименованию различных объектов и военизации жизни в Советском Союзе.

Группа лексических каламбуров, основанных на омонимии, так же малочисленна (3 случая). Здесь нами обнаружен пример классического каламбура, построенный на одном из типов омонимов – омоформах. Описывая политическую обстановку в Великобритании в 1916 году, Набоков вспоминает плакаты о военном призыве со следующей надписью: «"Will you march, too or wait till March 2?" as the punning posters put it» [6, С. 254] («"Вы тоже выступите в поход или будете дожидаться второго марта?" — выражение на плакатах с каламбурами»). Слова «to march» («маршировать») и «March» («март») являются омоформами, то есть совпадают в некоторых грамматических формах и произношении, но отличаются по смыслу и принадлежат к разным частям речи. Слова «too» («тоже») и «two» («два») являются омофонами, так как произносятся одинаково, но пишутся по-разному. Писатель показывает, как власть идет на разные уловки ради привлечения потенциальных солдат, используя, в том числе, и лингвистические приемы.

Самая малочисленная группа лексических каламбуров – это группа, основанная на полисемии (2 случая), хотя каламбуры, построенные на многозначности, статистически являются «наиболее типичными и многочисленными» [3, С. 294]. Так, упоминая об одной из тропинок в имении, Набоков пишет: «... a path dubbed tropinka Sfinksov ("path of the Sphingids") because of the hawkmoths visiting at dusk the fluffy lilacs...» [6, С. 41] («дорожка, окрещенная тропинкой сфинксов из-за бражников, навеещающих в сумерках заросли сирени...»). Русское слово «sfinksy» дано в транслитерации, название тропинки получает смысловую двойственность благодаря игре значений, основанной на метафорическом переносе, так как в определенных положениях тело бражника похоже на позу сфинкса. В свою очередь, место действия приобретает оттенок загадочности и таинственности.

Лексические каламбуры в англоязычной автобиографической прозе Набокова дают богатый материал для исследования, являясь самой обширной категорией, что свидетельствует о максимальном внимании писателя именно к лексеме как смыслопорождающей единице языка.

Уровень фразеологических каламбуров содержит лишь один пример, где переосмысливается каламбур «to take the bull by the horns» («взять быка за рога»). Вспоминая особенности крутой дороги в одном из имений, Набоков говорит: «...where one preferred to take one's "bike by the horns" as my father, a dedicated cyclist, liked to say, and where he had proposed» [6, С. 40] («там приходилось брать велосипед "за рога", как говаривал мой отец, сам увлеченный велосипедист, и именно там он сделал предложение (моей матери)»). В данном каламбуре происходит наслаивание двух смыслов – преодоление трудной дороги на велосипеде и, одновременно, очередная попытка сделать предложение любимой женщине, которая, в конце концов, оказалась успешной.

Малочисленность фразеологических каламбуров в тексте «Speak, Memory!» можно объяснить стремлением писателя самостоятельно создавать новые и неожиданные литературные выражения, а не пользоваться готовыми схемами.

На грамматическом уровне нам удалось выделить 4 случая каламбуров. Эта категория достаточно сложна по своему строению. Как указывает М. Giorgadze, «Syntactic ambiguity arises when a sentence can have two (or more) different meanings because of the structure of the sentence – its syntax» [13, С. 273] («Синтаксическая двойственность возникает, когда предложение имеет два (и более) смысла из-за своей структуры, а именно — синтаксиса»). Один из грамматических каламбуров Набокова в «Speak, Memory!» выглядит так: «... At last, words are meant to mean what they mean» [6, С. 81] («...Наконец-то, словам предназначено обозначать то, то они значат»). Используя сложную грамматическую конструкцию, выраженную пассивным залогом и инфинитивом, писатель высказывает очень важную для его творчества мысль: слово должно максимально точно предавать сущность описываемого, именно тогда получится «превратить читателя в зрителя» [7, С. 342].

Заключение

Проанализировав бытование каламбура в автобиографии В.В. Набокова, мы установили следующее: писатель достаточно часто использует данный стилистический прием в произведении документального жанра, делая выбор в пользу лексических каламбуров. Цели конструирования каламбуров различны, как то: создание комического эффекта, сарказм, нарушение ожиданий читателя, характеристика персонажей, демонстрация языковых возможностей автора и т.д. В целом, активное использование каламбура в автобиографической книге свидетельствует о сложной стилистической организации текста и применении приемов, характерных для художественной прозы писателя.

В качестве перспективы исследования можно указать на возможность анализа двух других книг автобиографической прозы В.В. Набокова («Conclusive Evidence» и «Другие берега») с целью выявления каламбуров в текстах, принадлежащих к разным языкам и культурам, а также проследить их трансформацию и эволюцию от более ранних книг к более поздним.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Васильев А.Д. Цели и средства игры в слова: монография / Васильев А.Д. – Красноярск, 2012. – 159 с.
2. Виноградов В.В. Формально-обусловленный перевод каламбуров-созвучий / Виноградов В.В. Тетради переводчика. Под.ред. док.филол.н., проф. Л.С. Бархударова. – М., 1972. С. 69-80.
3. Влахов С. Непереводаемо в превод / Влахов С., Флорин С. – М., 1980. – 343 с.
4. Вороничев О.Е. Русский каламбур. Семантика, поэтика, стилистика / Вороничев О.Е. – М., 2016. – 610 с.
5. Ерофеев В. Русская проза Владимира Набокова / Ерофеев В. / Собр.соч.в 4-х томах. Том 1. – М., 1990. С. 3-32.
6. Набоков В.В. Speak, Memory! / Набоков В.В. Vintage International, 1967. – 317 p.
7. Набоков В.В. Отчаяние. Собр.соч.в 4-х томах. Том 3 / Набоков В.В. – М., 1990. С.333-462.
8. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка / Норман Б.Ю. – М., 2012. – 344 с.
9. Санников В.З. Каламбур как семантический феномен / Санников В.З. // Вопросы языкознания. – М. 1995. № 3. С. 56-69.
10. Щербина А.А. Сущность и искусство словесной остроты (каламбур) / Щербина А.А. – Киев, 1958. – 68 с.
11. Этимологический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.etymonline.com/word/pavilion> (дата обращения 20.03.21)
12. Delabastita D. Focus on the pun: Wordplay as a special problem in translation studies [Электронный ресурс] / Delabastita D. – URL: https://www.researchgate.net/publication/263114479_Focus_on_the_Pun_Wordplay_as_a_Special_Problem_in_Translation_Studies (дата обращения 20.03.21)
13. Giorgadze M. Linguistic features of pun, its typology and classification / Giorgadze M. // European Scientific Journal, 2014. Vol.2. P. 271-275.
14. Gotlied H. Screen Translation. Eight Studies in Subtitling, Dubbing and Voice-over / Gotlied H. Copenhagen, 2005. – 125 p.
15. Redfern W. Puns / Redfern W. Oxford, 1985. – 234 p.
16. Ruskin V. Semantic mechanisms of humour / Ruskin V. // Proceedings of the 5-th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, 1979. Pp. 325-335.

Список литературы на английском / References in English

1. Vasilsiev A.D. Celi i sredstva igry v slova: monografija [Aims and means of wordplay: monography] / Vasilsiev A.D. – Krasnojarsk, 2012. – 159 p. [in Russian]
2. Vinogradov V.V. Formalno-obuslovlennyj perevod kalamburov-sozvuchij [Formally determined translation of phonetic puns] / Vinogradov V.V. /Tetradi perevodchika. Pod.red. dok.filol.n., prof. L.S. Barhudarova [Translator's Notes. Edited by Prof. L.S. Barhudarova] – М., 1972. P. 69-80. [in Russian]
3. Vlahov S., Florin S. Neperevodimo v perevode [Untranslatable in translation] / Vlahov S. – М., 1980. – 343 p. [in Russian]
4. Voronichev O.E. Russkij kalambur. Semantika, pojetika, stilistika [Russia pun. Semantics, poetics, stylistics] / Voronichev O.E. – М., 2016. – 610 p. [in Russian]
5. Erofeev V. Russkaja proza Vladimira Nabokova [Russian prose of Vladimir Nabokov] / Erofeev V. Sobr.soch.v 4-h tomah. Tom 1. [Collected works in 4 volumes. Vol.1]. – М., 1990. P. 3-32. [in Russian]
6. Nabokov V.V. Speak, Memory! / Nabokov V.V. Vintage International, 1967. – 317 p.
7. Nabokov V.V. Otchajanie [Despair] / Nabokov V.V. Sobr.soch.v 4-h tomah. Tom 3. [Collected works in 4 volumes. Vol.3]. – М., 1990. P.333-462. [in Russian]
8. Norman B.Ju. Igra na granjah jazyka [The wordplay on language facets] / Norman B.Ju. – М., 2012. – 344 p. [in Russian]
9. Sannikov V.Z. Kalambur kak semanticheskij fenomen [Pun as a semantic phenomenon] / Sannikov V.Z. // Voprosy jazykoznanija [Topics in the study of language]. – М. 1995. № 3. P. 56-69. [in Russian]
10. Shcherbina A.A. Sushhnost i iskusstvo slovesnoj ostroty (kalambura) [The essence and art of wordplay (pun)] / Shcherbina A.A. – Kiev, 1958. – 68 p. [in Russian]
11. Etimologicheskij slovar [Etymological dictionary] [Electronic resource]. – URL: <https://www.etymonline.com/word/pavilion> (accessed: 20.03.21). [in Russian]
12. Delabastita D. Focus on the pun: Wordplay as a special problem in translation studies [Electronic resource] / Delabastita D. – URL: https://www.researchgate.net/publication/263114479_Focus_on_the_Pun_Wordplay_as_a_Special_Problem_in_Translation_Studies (accessed: 20.03.21).
13. Giorgadze M. Linguistic features of pun, its typology and classification / Giorgadze M. // European Scientific Journal, 2014. Vol.2. P. 271-275.
14. Gotlied H. Screen Translation. Eight Studies in Subtitling, Dubbing and Voice-over / Gotlied H. Copenhagen, 2005. – 125 p.
15. Redfern W. Puns / Redfern W. Oxford, 1985. – 234 p.
16. Ruskin V. Semantic mechanisms of humour / Ruskin V. // Proceedings of the 5-th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, 1979. Pp. 325-335.